

горизонтализации ценностных ориентаций цивилизационных сообществ. Пространство социальной реальности становится фрагментированным, быстро набирающие обороты дивергентные процессы глобализации превращают мир в горизонтальную плоскость, где уместно говорить не о едином мире, но о «мире миров», каждый из которых претендует на статус равноправного участника глобального сценария.

В ситуации антиномичности мирового сообщества все сложнее оказывается найти основания кросскультурного взаимодействия геополитических субъектов и комплементарности их интересов. Неслучайно главным противоречием XXI в. является «противоречие между системами стран и конкретными странами в их борьбе за геополитическое положение в мире, за экономический и территориальный раздел и передел мира» [1, с. 13].

Будучи всепланетарным вызовом человечеству, глобализационные процессы выступают в то же время и ответом на нестабильную общемировую ситуацию, сама глобализация больше не делит мир по «горизонтали» или «вертикали», делает его не многополюсным, но многомерным, где есть единство множественного, единство равномерных и неравномерных изменений, нарастающей стереотипности и разнообразия, дифференцированных и интегративных способов деятельности.

В условиях формирования культурного единообразия и выравнивания мира в горизонтальной плоскости, когда нарушается иерархия смысложизненных ценностей, прогрессируют лиминальные процессы, децентрируется социокультурное пространство, что провоцирует повышенную конфликтогенность постсовременных обществ. Таким образом причиной конфликтогенности являются не различия между цивилизационными мирами, а их отсутствие или горизонтализация мирового сообщества. Формирование рискогенной модели социального развития предполагает установку, с одной стороны, на неделимость цивилизационного сообщества, а, с другой стороны, плюрализм культурных центров. Как отмечает Я. С. Яскевич, «риск как раз и есть явление, связанное с преодолением неопределенности в ситуациях постоянного выбора» [3, с. 26].

Литература

1. Семенов, В. С. Уроки XX века и путь в XXI век: социально-философский анализ и прогноз / В. С. Семенов. — М. : Ин-т философии Рос. акад. наук, 2000. — 407 с.
2. Федотова, В. Г. Хорошее общество / В. Г. Федотова. — М. : Прогресс-Традиция, 2005. — 544 с.
3. Яскевич, Я. С. Геополитические риски в условиях глобализации / Я. С. Яскевич // Белорус. экон. журн. — 2012. — № 3. — С. 26–40.

<http://edoc.bseu.by>

В. Н. Шимов
А. А. Быков
БГЭУ (Минск)

«ЭКОНОМИКА БОГАТСТВА» В ОПИСАНИИ МАЙКЛА ПОРТЕРА И В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Одним из наиболее цитируемых экономистов современности можно назвать Майкла Портера: на его работы в Google Scholar ссылаются более 370 тыс. раз, а самой цитируемой публикацией стала впервые изданная в 1990 г. книга «Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран». В данной книге Портер в числе прочего обосновал модель, описывающую четыре стадии развития конкурентоспособности национальной экономики: 1) конкуренция на основе факторов производства; 2) конкурен-

ция на основе инвестиций; 3) конкуренция на основе нововведений; 4) конкуренция на основе богатства. Если на первых трех стадиях обеспечивается экономический рост, то при переходе к четвертой экономика замедляется и начинается спад [1]. Стадиальная модель Портера легла в основу методологии расчета Глобального индекса конкурентоспособности Всемирного экономического форума, в соответствии с которой экономики мира разделены на три основные и две переходные группы. К основным группам отнесены экономики, движимые факторами производства (это беднейшие страны мира); экономики, движимые эффективностью (как правило, это страны со средним уровнем дохода); и экономики, движимые инновациями (сюда включены большинство стран ОЭСР) [2]. Методология расчета индекса конкурентоспособности, опираясь на теорию Портера, согласуется с теорией эндогенного роста, в соответствии с которой инвестиции в сектор исследований и разработок, а также в человеческий капитал, обеспечивают большой вклад в экономический рост, нежели «осязаемые» факторы производства — труд и капитал [3].

Исходя из теории эндогенного роста и современной интерпретации стадий достижения национальной конкурентоспособности, справедливо заключить, что финальным этапом эволюции рыночного хозяйства является инновационная экономика, или экономика знаний, переход к которой является стратегическим приоритетом развивающихся и переходных экономик. В частности, формирование экономики знаний обозначено в качестве основной цели Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы.

Между тем, согласно теории Портера, финальной стадией эволюции рыночного хозяйства названа не экономика знаний, а экономика богатства, в которой движущей силой экономики становится достигнутое изобилие. На этом этапе конкурентоспособность обеспечивается такими видами деятельности, как финансовые услуги, развлечения, фундаментальная наука, образование и здравоохранение. При этом конкурентоспособность обрабатывающей промышленности снижается, и с экономикой происходит то, что сейчас мы называем деиндустриализацией.

Научная дискуссия относительно доминирования финансового сектора над производственным в экономиках развитых стран обострилась еще в 2008 г. под воздействием мирового кризиса, и к настоящему времени становятся очевидными те глубокие изменения, которые произошли и происходят в сфере финансов и реализуются в экспансионистской денежно-кредитной политике центробанков и в появлении новых, цифровых финансовых активов. За прошедшие 10 лет в результате политики количественного смягчения совокупные активы крупнейших центробанков мира (ФРС, ЕЦБ, Банков Японии, Англии и Швейцарии, а также Народного Банка Китая) возросли примерно с 7 до 21 трлн дол., или с 20 % до 45 % мирового ВВП. Совокупный долг всех секторов крупнейших экономик нарастал еще быстрее, достигнув, по некоторым оценкам, трех мировых ВВП. Денежно-кредитное стимулирование привело к разрастанию биржевых «пузырей» — в 2010–2014 гг. на товарных рынках, затем — на фондовом рынке, при этом большинство высокотехнологичных компаний сейчас могут оказаться сильно переоцененными.

Таким образом некоторые прогнозы Портера относительно доминирования финансового сектора в «экономике богатства» оправдались, но все же на данном этапе развития наблюдается рост, а не спад, предсказанный Портером. В моделях эндогенного роста финансовый сектор не является ключевым, однако именно денежно-кредитное стимулирование представляется нам основным источником роста как традиционных, так и инновационных секторов ведущих экономик, а также непосредственно сферы науки и инновационной деятельности.

Когда мы говорим о необходимости формирования экономики знаний в Беларуси, логично задуматься об источниках финансирования инновационного развития. Без до-

статочного финансирования отечественной науки и образования трудно надеяться на результаты, сопоставимыми по качеству с мировыми. Решение о возможностях денежно-кредитного стимулирования национальной экономики, в том числе ее инновационной сферы, также неоднозначно: в развивающихся экономиках действует так называемое ограничение экономического роста платежным балансом, обоснованное британским профессором Э. Тирлволлом. В условиях снижения экспорта государство может стимулировать экономический рост за счет эмиссионного кредитования потребительского и инвестиционного спроса на внутреннем рынке, но такие действия с высокой вероятностью приведут к торговому дефициту и коррекции обменного курса национальной валюты, что остановит экономический рост.

Принимая во внимание данное ограничение, справедливость которого подтверждена практикой, следует искать источники денежных средств для финансирования инновационной деятельности через развитие национального финансового рынка, использование производных финансовых инструментов и новых форм аккумуляции капитала — например, публичного размещения акций отечественных компаний, а также публичного размещения цифровых знаков, что предусмотрено Декретом Президента № 8.

В любом случае нужно понимать, что на стадии «экономики богатства», в которую, вероятно, уже вошли крупнейшие страны мира, появляются новые возможности для развития, но также возрастают и риски.

Литература

1. *Портер, М.* Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран / М. Портер. — М.: Альпина Паблишер, 2017. — 947 с.

2. *Schwab, K.* The Global Competitiveness Report 2016–2017 / K. Schwab. — Geneva, WEF, 2017. — 383 pp.

3. *Marozau, R.* Factors conditioning the role of higher education institutions in transition economies: an exploratory study of the Republic of Belarus / Doctoral dissertation. — Deusto Business School, 2015. — 141 p.

<http://edoc.bseu.by>

*О. С. Шимова, д-р экон. наук, профессор
БГЭУ (Минск)*

ЗАДАЧИ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ ПРИ РАЗРАБОТКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Семнадцать глобальных Целей устойчивого развития (ЦУР), сформулированных в Повестке дня в области УР на период до 2030 г. (Повестка — 2030) [1], которая была принята на Саммите ООН по устойчивому развитию в г.Нью-Йорке (сентябрь 2015 г.), знаменуют очередной этап продвижения мирового сообщества по пути к устойчивому развитию. ЦУР являются ориентиром, позволяющим странам привести свои стратегии, планы и программы по УР в соответствие с их глобальными обязательствами. Важным событием для достижения ЦУР и расширения институциональных рамок «зеленой» экономики в Республике Беларусь станет разработка очередной Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития до 2035 г. (далее — НСУР-2035). Необходимость выполнения принятых на себя обязательств по имплементации глобальных ЦУР на национальном уровне предполагает мониторинг и оценку реализации этих целей в стране в соответствии с задачами, поставленными в Повестке — 2030. Как было